

это не обязательно связано с работой за рубежом. У нас в стране появилось достаточно хороших коллективов — они были всегда, но в меньшем количестве. В них престижно и интересно работать — зарубежные поездки, прекрасные дирижеры, и в первую очередь — деловой и культурный обмен.

— Тенденция к стремлению уехать из страны переломилась?

— Я бы не назвал это ни тенденцией ни желанием. Если есть приглашение из-за рубежа, едут туда, если интересное предложение здесь, остаются в стране. Люди выбирают хорошие коллективы, а не страны. Выбирается уровень, который даст удовольствие, счастье от работы.

— Рост числа хороших коллективов, о которых вы говорите, внутри страны ощущается?

— Несомненно. Их стало больше, причем в разных регионах и разных жанрах. Жанры начинают смешиваться, и это привлекает исполнителей и людей разных профессий. Возникают многоплановые коллективы, а от них — новые специальности и факультеты.

Люди, которые умеют играть и петь, выросли хорошими профессионалами, по достоинству оцениваются руководителями коллективов. Недавно прошла ярмарка выпускников, куда приезжали руководители театров, филармоний и учебных учреждений. Что называется, разобрали с колес.

— Для музыкального вуза это довольно необычно.

— Мы одна из первых консерваторий, начавших организовывать такие ярмарки в виде концерта, где выпускники показывают работодателям, что они умеют. Журналисты и музыкальные критики тоже предъявляют свои работы в фильмах и сценариях, звукорежиссеры — работы по звукозаписи. Таким образом, «товар» виден лицом. И тут начинаются торги — любопытное явление, когда один работодатель пытается перебить другого, предлагает лучшую зарплату, большее жилье. Ребята мечутся: они не думали, что так нужны кому-то. Надо видеть счастье на их лицах, что столько лет учебы не проходят даром.

— Нечто подобное было в Москве еще в XIX веке, когда антрепренеры перед каждым сезоном нанимали актеров в свои театры: кому-то нужен трагик, кому-то — комик, кому-то — инженеру. Это очень любопытно.

— А самое главное — те, кто учится на младших курсах, видят свет в конце тоннеля и лишаются ощущения бесперспективности, они видят, как разбираются те, кто умеет. Это огромный стимул к учебе и профессии.

— Очень интересно было узнать о кафедре информационно-музыкальных технологий. Современное и востребовано звучит. А что это такое?

— Все ребята, которые у нас учатся на каких-то музыкальных инструментах, должны овладеть компьютерной музыкальной грамотностью, уметь набирать нотный текст и создавать произведения при помощи компьютера, владеть технологиями, связанными с электронными музыкальными инструментами. Все это они изучают на этой кафедре.

— Каждый день информационные знания накапливаются лавинообразно, в том числе и в музыке. Но шедевры остаются — Бах, Моцарт, Шостакович, Прокофьев. Студенты вынуждены ориентироваться в современном безбрежном море материала. Как преподавать, чтобы при этом они еще и не упустили главные ценностные точки, оставленные предшественниками?

— Перевод слова «консерватория» — «консервация». Наша задача — сохранить культурное наследие в форме передачи его молодым. Объемы увеличиваются, но имена остаются. К примеру, раньше Брамса изучали подробнее — все симфонии, венгерские танцы, славянские танцы, романсы. Теперь — чуть меньше: не все симфонии, а две. Но Брамс остается. У Баха — огромное наследие, его всего изучить невозможно. Его тоже чуть меньше стало. Классики все чуть-чуть спресовываются. Зато добавляются все новые.

В конце концов, есть ещё и развитие человеческого мозга, и то, что мы воспринимали молодыми — это одно, а того,

что наши дети сегодня воспринимают, гораздо больше. И запоминают они больше. Другое дело — не могут все осмыслить.

— Складывается ощущение, что наряду с ростом информации растёт и невежество.

— Совершенно верно. Не буду спорить. Информация — это не есть умение думать. Отсюда и растёт невежество.

Традиционная школа всегда была построена на стремлении научить людей мыслить, а не просто запоминать. Современное клиповое сознание рождает библиотеку в голове и больше ничего. Оно никаким образом не может заставить человека мыслить.

— В последние годы виден заметный рост количества кандидатов, докторов, доцентов и профессоров. Это сознательный путь?

— Сознательный. Надо давать людям зеленый свет и сделать консерваторию другого уровня. Чем больше профессоров, тем выше статус учебного заведения, его притягательная сила. Ведь очень часто едут не в вуз, а к определенному профессору.

— Много абитуриентов из других регионов приезжает?

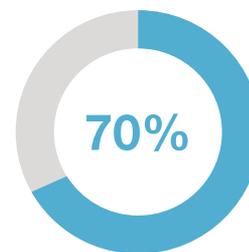
У нас 70% — приезжие. География — от Камчатки до Калининграда. Есть и зарубежные студенты — более 140 человек, в основном из Китая.

— Как консерватория ощущает себя экономически?

— Сложно, как и все вузы, относящиеся к министерству культуры России, которым трудно зарабатывать самостоятельно. ННГУ, НГТУ и другие вузы имеют научные базы, задания, заказы, в том числе оборонные. Какой заказ может выполнить консерватория? Только на военный марш. И сколько он даст нам продержаться? Мы приглашаем студентов-платников, оказываем услуги дополнительного образования, плюс ко всему — иностранные студенты.

— Как выглядит наша консерватория на фоне аналогичных учебных заведений?

— Я уважаю своих коллег, но она выглядит очень неплохо. У нас 11 консерваторий в стране, и всего лишь 5 получают гранты президента, мы — в их числе.

70% студентов Нижегородской консерватории — приезжие.

В том числе 140 иностранных студентов.